

Alfija Smirnowa

"Дар слова: Виктор Петрович Астафьев (к 85-летию со дня рождения)", Иркутск 2009 :
[recenzja]

Polilog. Studia Neofilologiczne nr 1, 241-244

2011

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Дар слова: Виктор Петрович Астафьев: (к 85-летию со дня рождения): библиографический указатель: статьи, Иркутск 2009, 640 с.

Книга *Дар слова: Виктор Петрович Астафьев* состоит из двух частей: в первой представлены сведения об основных датах жизни и творчества писателя, о публикации его произведений, об исследовательской литературе, посвященной ему, – всего того, что традиционно составляет содержание библиографического указателя; во второй – литературоведческие и лингвистические статьи об астафьевском творчестве. Вторая часть *Слово – образ – мир* открывается статьей Т.Н. Садыриной, в которой обобщаются результаты филологического изучения творчества Астафьева: «В данной книге собраны исследовательские статьи участников красноярских и пермских Астафьевских чтений. Отбирая материалы для переиздания, мы руководствовались рядом критериев. Во-первых, важно было представить два основных исследовательских русла» (литературоведческое и лингвистическое), «во-вторых, среди авторов – те, для кого творчество В.П. Астафьева представляет постоянный научный интерес и является “полем”, на котором вырастают разного объема и значения ученые “плоды”: от литературоведческих комментариев, статей до монографий и докторских диссертаций. В-третьих, разумеется, интересно отметить критерий, связанный с уровнем мастерства астафьеведов: от начинающих исследователей до настоящих ученых “мэтров”»¹.

Самый большой раздел второй части книги – литературоведческий. В нем представлены как статьи общего порядка, так и те, в которых рассматриваются отдельные произведения писателя: *Пастух и пастушка*, *Ода русскому огороду*, *Царь-рыба*, *Последний поклон*, *Так хочется жить*, *Веселый солдат*, *Затеси*, *Зрячий посох*, – в самых разных аспектах. От функции мотива до проблемы контекста и метатекста, от особенностей авторской позиции до национальной модели мира, от анализа взаимодействия реалистических и постмодернистских тенденций до выявления типологической общности между произведениями, относящимися к разной культурной традиции.

В обобщающих статьях намечаются основные направления изучения литературного наследия писателя. Так, А.Ю. Большакова, говоря о «поэтике прозы и правде факта» у Астафьева, вписывает его в широкий литературный контекст II-ой половины XX века, подробно останавливается на развитии «деревенской» прозы, рассматривает астафьевские произведения в аспекте проблем «жанр и историческая реальность» и «автор, герой и переосмысление истории». Исследова-

¹ *Дар слова...*, с. 354.

тель, характеризуя поздний период «деревенской» прозы 1960-90-х годов, приходит к выводу о том, что «в конце 80-90-х происходит изменение типологии героя, обусловленное уходом с исторической сцены крестьянского сословия, его социальными переориентациями. В *Печальном детективе*, *Людочке*, *Веселом солдате* Астафьева, новых рассказах Носова, Распутина, “задержанных” повестях и рассказах Абрамова, Тендрякова и других произведений этого периода – через социальное смещение героев, изображение миграционных подвижек – отражается процесс массового раскрестьянивания России, переход крестьян и крестьянских потомков в деклассированное состояние: в иные (по отношению к традиционной деревне), нередко отторгнутые социальные слои»².

Автор следующей статьи «Изболевшаяся душа (В. Астафьев после “деревенской” прозы)», В.А. Зубков, высказывает свою точку зрения на творческое развитие писателя, утверждая, что «с середины 1970-х годов целостная традиция “деревенской” прозы в творчестве Астафьева утрачивается»³, с чем трудно не согласиться. Мне представляется, что полемика вокруг принадлежности Астафьева к «деревенской» прозе выглядит несколько надуманной, поскольку его творчество не ограничивается темой деревни и, более того, при исследовании литературного наследия писателя необходима иная «система координат». В.А. Зубков правомерно подчеркивает: «Эволюцию полувековой жизни Астафьева в литературе, разумеется, можно рассматривать в разных аспектах: тематическом, жанровом, стилевом и т.д. Но главное в ней, на мой взгляд, – движение из мира собственно “деревенской” и военной прозы к художественному и публицистическому исследованию общего состояния народной России. Центром его в последние годы Астафьева все очевиднее становится постижение тотального несчастья русского народа, которое писатель со всей определенностью обнаруживает к концу XX века»⁴. Этот вывод косвенно подтверждает ограниченность тематического подхода к прозе писателя. Думается, актуальной задачей на сегодня является постижение феномена творчества Астафьева (символично, что первая международная научная конференция в Красноярске, посвященная писателю, называлась «Феномен В.П. Астафьева в общественно-культурной и литературной жизни конца XX века»). Статья В.А. Зубкова вызывает несомненный интерес. Исследователь наряду с другими проблемами обращает внимание на «главную тенденцию астафьевского творчества последних лет – усиление трагического дискурса в освещении столь близкой и родной писателю народной жизни», а также стремится выявить «широкую традицию русской литературы»⁵, которая по-своему преломилась в творчестве Астафьева.

В ряде статей вынесенная в заглавие проблема рассматривается на материале нескольких произведений писателя, это относится к публикациям Д.А. Субботина *Эволюция конфликта в прозе В.П. Астафьева*, Н.М. Щедриной *Проблема жанрового синтеза в прозе В.П. Астафьева*, А.Г. Ким *Человеческие лики природы в произведениях В.П. Астафьева*. Д.А. Субботин выявляет эволюцию кон-

² Там же, с. 376.

³ Там же, с. 381.

⁴ Там же, с. 386.

⁵ Там же, с. 387, 388.

фликта в прозе писателя на материале таких произведений, как *Стародуб*, *Царь-рыба*, *Печальный детектив*, *Прокляты и убиты*, при этом он выделяет два типа конфликта: локальный, который может реализоваться как в обобщенном, так и в частном виде, и субстанциональный. Избранная в статье исследовательская модель оправдывает себя, выводы, к которым приходит автор статьи, представляются убедительными и отличаются определенной новизной. Говоря о романе *Прокляты и убиты*, автор статьи справедливо отмечает, что в нем «субстанциональный конфликт становится главным», и приходит к выводу: «Субстанциональный конфликт в произведениях последних лет выражен предельно экспрессивно: Астафьев не приемлет этот мир и не видит выхода. И если с содержательной стороны конфликта можно наблюдать определенную эволюцию..., то с формальной стороны конфликты в прозе Астафьева типологически однородны...»⁶. Вызывает интерес анализ произведений Астафьева: обратившись, казалось бы, к частной и традиционной проблеме, Д.А. Субботин сумел через призму конфликта проследить творческую эволюцию писателя, раскрыть характерные свойства его мировосприятия.

Проблема жанрового синтеза в прозе В.П. Астафьева рассматривается в статье Н.М. Щедриной, которая обращается к таким астафьевским текстам, как *Пастух и пастушка*, *Царь-рыба*, *Последний поклон*, *Прокляты и убиты*. Судя по выбору произведений, в жанровом отношении очень разных, со своей композиционной логикой, своей моделью мира, собственной творческой историей, проблема жанрового синтеза трактуется в статье достаточно широко. И речь в ней идет, как думается, все же об определенной тенденции, проявившейся в прозе писателя, а не новой жанровой форме, созданной в результате синтеза. В этом убеждает и итоговый вывод статьи, связанный с процитированным в ней высказыванием самого Астафьева о муках творчества, об освоении им романного жанра. «Как нам кажется, – замечает исследователь, – в этих, порой парадоксальных, рассуждениях В. Астафьева содержится мысль о происходивших в его авторском мировидении синтезирующих процессах, способствовавших формированию новой формы эпического полотна, выходящей за рамки традиции. В нем синтезированы очерк, рассказ, повесть, лирическая, философская и публицистическая проза, летописное, автобиографическое, хроникальное и циклическое повествование»⁷. В процессе анализа астафьевских произведений автор статьи стремится конкретизировать свое понимание жанрового синтеза применительно к ним. Так, исследователь отмечает, что в повести *Пастух и пастушка* «использованы натурализм, формы фантастики, условность изображения, романтизация образов», а в *Последнем поклоне* «...налицо все атрибуты романа о жизни сибирской деревни Овсянка», структурные признаки «новеллистического цикла»: «Кажется, с одной стороны, подобное построение сопротивляется романной диалектике, но с другой – это вполне целостное лиро-эпическое повествование...»⁸.

Наряду с художественным творчеством Астафьева в научных статьях *Дара слова...* рассматриваются критика и публицистика писателя (А.П. Казаркин «Зря-

⁶ Там же, с. 402, 404.

⁷ Там же, с. 414.

⁸ Там же, с. 408.

чий посох» В.П. Астафьева: контекст и метатекст, Л.П. Быков Виктор Астафьев – критик). Статья П.А. Казаркина выделяется среди опубликованных в книге материалов и привлекает оригинальностью истолкования самого *Зрячего посоха*, его контекста и метатекста, новизной концепции и выбором подхода к исследуемому материалу. «Большую часть своей творческой жизни писатель отдал тому, что называется “книгой жизни”, – замечает исследователь. – Астафьевская “книга жизни” узнаваема, ее трудно смешать с другими. Стиль этого писателя – едва ли не самый исповедальный в русской литературе, а она особенно расположена к хронике-исповеди. Если любимая автором автобиографическая повесть – это *последний поклон* родной земле и русскому крестьянству, а *Царь-рыба* – живой природе, то *Зрячий посох* – прощание с русской литературой»⁹.

Представляется важным итоговый вывод ученого: «Поздняя проза Астафьева – антироман: в мировой литературе нет опыта романа на основе апокалиптики. Как и в мире А. Платонова, герой Астафьева несет травматический душевный опыт... Последние классики сибирской прозы, Астафьев и Распутин, осмыслили отошедшее столетие как цепь экспериментов над природой и народом: революции, сначала социальная, а за ней технологическая, создали вакуум веры, почти искоренили органическую традицию в культуре»¹⁰.

Наряду с литературоведческим и лингвистическим разделами в рецензируемом труде имеется раздел *Мировоззренческая позиция писателя*, в котором рассматриваются философские и религиозные взгляды писателя. Это статьи *Метафизика мира и метафизика «я» в «реальной» философии В.П. Астафьева* (Е.Н. Викторук), *Отражение православного мироощущения в творчестве В.П. Астафьева* (О.Н. Гайдаш), *Виктор Астафьев и конец крестьянской Руси* (Т.Н. Садырина), *«Memento mori» Виктора Астафьева* (М.Н. Кураев).

Значение книги *Дар слова: Виктор Петрович Астафьев* для исследователей творчества писателя трудно переоценить, т.к. в ней под одной обложкой соединились биобиблиографический указатель, о важности которого говорить излишне, и научные статьи, представляющие современное состояние астафьеведения. Не случайно, о второй части *Дара слова...* в аннотации говорится, что в ней представлены современные направления филологического изучения творчества Астафьева. И это утверждение вполне справедливо и подтверждается опубликованными в книге материалами.

Alfija Smirnowa

⁹ Там же, с. 390-391.

¹⁰ Там же, с. 398.